

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР В ИТАЛЬЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2017 г. А. В. Топорова

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
anna.toporova@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 3 октября 2016 г.

THE EPISTOLARY GENRE IN ITALIAN MEDIEVAL LITERATURE

© 2017 Anna V. Toporova

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the RAS, 25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
anna.toporova@gmail.com

Received by Editor on Oktober 3, 2016.

В настоящей статье анализируются особенности эпистолярного жанра на народном языке в средневековой Италии в процессе их эволюции. Сопоставление с античным письмом, с одной стороны, и с гуманистическим эпистолярным наследием Петрарки — с другой, позволяет определить специфический характер средневекового письма как “частного”, индивидуального — в отличие от “общественного” античного письма и “литературно-индивидуалистического” ренессансного (или гуманистического). На примере сборников писем поэта XIII в. Гвиттоне д’Ареццо, религиозных и общественных деятелей XIV в. Джованни далле Челле, Джованни Коломбини, Екатерины Сиенской, а также “купеческой переписки” XIV в. прослеживаются содержательные, языковые, культурологические аспекты этого жанра в Средние века.

We examine the traits and evolution of the vernacular epistolary genre in medieval Italy. A comparison with ancient epistles, on the one hand, and with Petrarch’s humanistic heritage, on the other, shows that the medieval letter was “private” and individual in nature as opposed to “public” ancient letters and “literary-individualistic” Renaissance (or humanistic) correspondence. Analyzing the collections of letters of the 13th-century poet Guittone d’Arezzo and the 14th-century religious and public figures Giovanni dalle Celle, Giovanni Colombini and Catherine of Siena, as well as 14th-century “commercial correspondence”, we describe the characteristic content and the linguistic and cultural aspects of this genre in the Middle Ages.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, Гвиттоне д’Ареццо, религиозная литература Средних веков, Екатерина Сиенская, средневековая купеческая переписка.

Key words: epistolary genre, Guittone d’Arezzo, medieval religious literature, Catherine of Siena, medieval commercial correspondence.

Богатая эпистолярная традиция античности зиждилась на определенных мировоззренческих установках и риторических правилах. Античное письмо было публичным, открытым, обращенным не к одному корреспонденту, а к незавершенному ряду читателей. Эта особенность античных писем коренилась, по мнению Г.С. Кнабе, в специфике полисной жизни и полисного менталитета, исходивших из духовной изоморфности, из общественной личности античного человека [1, с. 503–504]. Письма воспринимались не как частный документ, предназначенный для индивидуального прочтения, а как своего рода

манифест, декларация, трактат, содержащий общезначимые мысли.

Публичный характер античного письма неизбежно влиял и на его стиль: использование риторических формул было неременным требованием. Письмо, обращенное к *urbi et orbi*, было не частным документом, а литературным произведением, соответственно, принадлежало определенному стилю. И повседневные выражения в письмах, о которых пишет Цицерон (“К близким”), или непринужденная манера, упоминаемая Деметрием (“О стиле”), являются не спонтанными

проявлениями авторской манеры письма, а характеристиками эпистолярного стиля. Так, “Письма к Луцилию” Сенеки — это не столько сборник писем другу, сколько своеобразный нравственно-дидактический трактат или “поучающее письмо”, вписывающееся в устойчивую литературную традицию [2, с. 390–427].

Эпистолярную риторику изучали. Существовал школьный жанр письма, особенности которого можно было освоить по соответствующим учебным пособиям — *Artes dictaminis* или *Artes dictandi* (“Искусство сочинения писем”). В соответствии с ними письмо должно состоять из пяти частей: *inscriptio* (заглавие), *exordium* (начало), *narratio* (повествование), *petitio* (прошение), *conclusio* (заключение). Первая часть включает в себя указание на адресата письма (обычно с эпитетом), автора письма (иногда обозначается тип отношений между ними: родство, дружба, деловые связи и т.п.) — *intitulatio*, и формулу приветствия (*salutatio*), в которую может входить вопрос о здоровье и сообщении о своем состоянии (*status affectus*). Вторая часть — *exordium* — является собственным началом текста; здесь обычно указывается тема письма, могут присутствовать приемы завоевания благосклонности адресата (*captatio benevolentiae*). Далее следует развитие темы, повествование (*narratio*), подводящее к просьбе (*petitio*), которая часто и является целью письма. Заключение содержит формулу прощания, датировку и указание на место написания письма [3, с. 223–304; 4, с. 91–103].

Составлялись также сборники фиктивных писем, воспроизводящих стиль или известных сочинителей, или авторов, принадлежащих к разным социальным группам. Таков сборник писем, сочиненный ритором Алкифроном от лица рыбаков, мужиков, параситов, гетер и т.п. Правила эпистолярного жанра, зафиксированные в *Artes dictaminis*, использовались не только в литературной, но и в повседневной, частной или деловой, переписке. Даже когда античные люди пишут на сугубо житейские темы, их письма включены в определенную литературную традицию и оформляются в соответствии с ней.

Эти правила были актуальны и в Средние века, как об этом свидетельствуют “Старая риторика” Бонкомпаньо да Синья и “Подсвечник” Бенедикта Фиренце, ряд трактатов Гвидо Фавы (“*Summa dictaminis*”, “*Dictamina rhetorica*”, “*Exordia*”), предлагающие как собрание писем-образцов, так и подробные правила составления писем.

Замечательными образцами эпистолярного искусства на вольтаре являются письма Гвиттоне

д’Ареццо, написанные во второй половине XIII в. Это первый сознательный опыт сочинения писем на итальянском языке с отчетливо литературными целями: применить правила *Artes dictaminis* к эпистолам на народном языке и тем самым приблизить его к статусу латыни. Гвиттоне пишет усложненным высоким стилем с каденциями, курсусом, аллитерациями и ассонансами, антитестическими, параллельными и перекрестными конструкциями, с богатыми риторическими приемами и со сложными логическими ходами, напоминающими порой изощренную барочную технику. Из 36 его писем восемь написано стихами, в некоторых прозаических письмах присутствуют поэтические вставки. Стилистические изыскания Гвиттоне оказали влияние на язык “Пира” Данте и “Декамерона” Боккаччо. Тематика его писем самая разнообразная. Но на какую бы тему Гвиттоне ни писал, его письма носят отчетливый назидательно-проповеднический характер и сближаются с жанром проповеди (что характерно и для его поздней поэзии). Гвиттоне выступает в роли наставника, призывающего своих корреспондентов к совершенствованию — самих себя, городской жизни, общественного устройства.

Средством к этому является стяжание любви и истинного знания, отказ от богатств мира сего и устремление к небесным благам. Эти мотивы неоднократно повторяются и развиваются через изощренную систему противопоставлений (мрак—свет, любовь к добродетели—ненависть к пороку, жизнь—смерть, истинное—ложное знание, бедность—богатство, земные—небесные блага), игру слов (например, в письме XIII — жонглирование словами, производными от *grazia* ‘благодать’ и *gioia* ‘радость’). Иногда эти рассуждения по форме приближаются к богословскому трактату (письма III, XXI): логическое развитие мысли, многочисленные цитаты из Священного Писания, отцов Церкви, античных философов и писателей; чаще — к проповеди: риторические вопросы, восклицания, обращения. Его письма адресованы широкому кругу корреспондентов: представителям аристократии, церковным иерархам, поэтам, юристам, простым горожанам. Адресатов некоторых писем установить не удалось, возможно, эти письма были сочинены как своего рода образцы для подражания, как это имело место в многочисленных средневековых *Artes dictandi*¹. Совершенно очевидно, что Гвиттоне учитывал и античный эпистолярный опыт с его неременным риторическим пафосом.

¹ Подробный анализ писем Гвиттоне д’Ареццо был сделан А. Маргероном [5, р. I–LXI].

Вместе с тем в целом не представляется возможным говорить о продолжении античной эпистолярной традиции, поскольку статус письма претерпевает принципиальные изменения: средневековое письмо — это частное письмо, обращенное к конкретному лицу или группе лиц, воспринимаемых как некое единство (например, обращение монаха, духовного наставника, к своим чадам). Причина этого кроется в “индивидуализме” средневекового человека², пришедшем на смену “общественной личности” представителя античного мира. Решающую роль сыграло в этом процессе христианство, рассматривающее человека не как часть целого, а как личность, предстоящую Богу. В результате средневековое письмо перестает быть литературным произведением; оно может подняться до уровня литературы в случае особой одаренности его автора, но создается оно как частный документ и проблема авторства предстает здесь совсем в ином виде. Автор средневекового письма — не писатель, его индивидуальный стиль в подавляющем большинстве случаев не претендует на литературность, не вписывается в узаконенный поэтиками стилистический регистр. То же касается и содержания: автор письма не представляет его как общезначимое, интересное и полезное для всех — даже в тех случаях, когда речь идет о важных проблемах, касающихся каждого человека (например, о вопросах спасения, духовной жизни, смерти).

Дошедшие до нас образцы писем относятся преимущественно к XIV в. и принадлежат перу как людей монашеского звания, религиозных деятелей, церковных иерархов, так и частных лиц — купцов, нотариусов, медиков, горожан. Из писем религиозной тематики наибольший интерес представляют собой письма Джованни Коломбини, Джованни далле Челле, Екатерины Сиенской: их авторы — яркие личности и видные фигуры в религиозной жизни Треченто; письма эти отличаются высоким уровнем литературности; их количество простирается от нескольких десятков до нескольких сотен, что позволяет проследить ряд закономерностей эпистолярного стиля как индивидуального у каждого автора, так и общего для этой эпохи.

Тематика писем — сугубо духовная. Валломброзийский монах Джованни далле Челле (1310–1394/96) пишет о том, что считает самым важным для духовной жизни. Движет им любовь

к ближнему и забота о его спасении, которые распространяются не только на духовных чад или на близких и знакомых, но на каждого, кто готов воспринять его наставления. Его излюбленная тема — гибельность мирской суеты: “Я нахожусь на этой высокой горе и духовными очами созерцаю спешащие корабли; одни плывут на восток, другие на запад по исполненным опасностями морю мира сего. Какие-то, я вижу, движутся по верному пути под действием ветра благодати Божией, а другие ударяются о скалы, разрушаются и тонут в морских глубинах, которые суть ужасная адская бездна” [7, с. 231].

О бедствиях мира сего (“*guai del mondo*”) он пишет постоянно, указывает своим корреспондентам на скрытые соблазны и хвалит тех, кто умеет им противостоять. Повторяемость этого мотива и то эмоциональное напряжение, с которым он раскрывается, свидетельствуют о его горьком личном опыте (будучи настоятелем флорентийского монастыря св. Троицы, он вступил в связь с некоей молодой флорентийкой, после чего год находился в заключении, а затем ушел в затвор) и страстном желании предостеречь своих адресатов от легковерности и беспечности.

Среди других часто повторяющихся в письмах тем — бедность, милосердие, любовь к ближнему, страх Божий, молитва. Несколько писем посвящено вопросам церковной жизни. Это шесть писем, касающихся деятельности Екатерины Сиенской, и несколько писем, посвященных так называемым “братцам” (*fraticelli*), представителям еретического движения, проповедовавшим крайнюю бедность и резко критиковавшим Церковь. При этом он обильно цитирует Ветхий и Новый Завет и отцов Церкви — св. Антония, св. Иеронима, св. Бернарда. Надо сказать, что богословская подготовка Джованни далле Челле была вполне основательной: помимо указанных авторов, он ссылается на Григория Великого, Беду Достопочтенного, Петра Дамиана, Сенеку, Бозэция, а также на своих современников — Анджелино да Фолиньо, Екатерину Сиенскую, Якопо не да Тоди. В одном из писем он проникновенно пишет о Петрарке в связи с его смертью. Стиль писем Джованни далле Челле отличается определенным изяществом и изысканностью. Его письма, несомненно, литературны, не случайно, что они сохранились в большом количестве рукописей XIV–XV вв. и многие цитаты из них вошли в словарь итальянского литературного языка Академии Круска (второе и третье издание). Их характеризует, по выражению Дж. Петрокки, “живая образность народного толка” [7, с. 213]. Среди наиболее используемых тропов — антитеза,

² Сошлемся на исследования в этой области А.Я. Гуревича, утверждавшего, что “открытие человека” состоялось не в эпоху Возрождения, как это было принято считать ранее, а уже в Средние века [6].

сравнение, повторы, что в целом типично для религиозной назидательной литературы. Особенно стилия Джованни далле Челле является пафос — то внутреннее горение, которое определяло всю его жизнь, отразилось и на его манере письма. Цель его слов — убедить своего корреспондента, и здесь риторические средства оказываются на службе духовного наставления. Хотя проповедником как таковым Джованни далле Челле не был, его письма порой очень близки проповеди — и по интенции автора, и по структуре, и по используемым риторическим приемам. Джованни далле Челле отдает себе в этом отчет: “Io credo, che voi direte, che mi paia essere sul pergamo a predicare, e non allo studio mio a scrivere lettere” [8, с. 72] (“Я думаю, Вы скажете, что я будто проповедую на кафедре, а не пишу письма в своем кабинете”). В самом деле, помимо проповеднического пафоса, присутствующего почти во всех его письмах, некоторые воспроизводят и структуру проповеди.

Впрочем, его письма не всегда имеют четкую структуру. Обращение и заключительная формула могут отсутствовать, вступление тоже не является обязательным. Часто он сразу входит в глубь интересующей его темы и развивает ее в первых же фразах, а в дальнейшем лишь приводит примеры, сравнения, аллегории, подкрепляющие его мысль. Как правило, образность в его письмах библейская (Ноев ковчег как аллегория вечной жизни, ловля рыб-людей, сети, раскинутые миром и дьяволом, и т.п.), но живая заинтересованность, личный опыт и глубокое переживание того, о чем он пишет, поднимают его письма до уровня поэзии, ср. “le lettere son foglie, e l'orazioni son frutti” [8, с. 38–39] (“письма — листья, а молитвы — плоды”).

В целом риторика этих писем ограничена, что особенно заметно в сопоставлении их с ответами некоторых корреспондентов Джованни далле Челле. Так, письма Гвидо дель Паладжо, похоже, в силу его положения и образования, написаны значительно более утонченным и изысканным стилем. Отвечая своему духовному отцу на его утешения в потере единственного сына, Гвидо облакает свою скорбь в соответствующие риторические “одежды”. Он начинает с торжественного и высокопарного обращения: “Venerabile e diletissimo Padre carissimo. Ricevetti la vostra lettera, la quale piuttosto, e meglio si de' chiamare epistola: piena di tanta carità, e di tanta affezione di cordiale amore, che non lo potrei scrivere con penna: piena di tanto dolore” [8, с. 132] (“Достопочтенный и возлюбленный дражайший Отец. Я получил Ваше письмо, которое скорее и лучше нужно назвать

эпистолой; исполненное такой милости и такого чувства сердечной любви, что я не мог бы написать его пером; исполненное такой боли”). В этой вступительной фразе Гвидо ничего не забывает: почтительное обращение, уведомление о получении письма, *captatio benevolentiae*, косвенное указание на свое состояние. Гвидо пишет высоким стилем, синтаксис его писем более сложный и литературный (герундиальные обороты, сложноподчиненные предложения, параллельные конструкции). Идеально соблюдена структура письма, как она предусмотрена в *Artes dictaminis*: есть обращение, вступление, тема и ее развитие, заключение. Тема развивается четко и последовательно: Гвидо повторяет каждый из пунктов письма Джованни далле Челле и отвечает на него. Заключение также соответствует правилам.

Еще один корпус писем религиозной тематики принадлежит перу Джованни Коломбини (1304–1367). Успешный купец, торговавший сукном в тосканских городах, член народного Совета (*Consiglio del popolo*) и приор Сиены, имевший жену и двоих детей, Коломбини переживает в пятидесятилетнем возрасте (1355) глубокий внутренний кризис, результатом которого стало решительное обращение к Богу и изменение жизни. Вокруг него собирается группа последователей, джезуатов, которые, украсив головы венками из ветвей оливы, ходили по дорогам и распевали песни, славя Христа и беспрестанно повторяя его имя (*Gesù* — Иисус).

От Коломбини дошло 94 письма, адресованных настоятельницам и монахиням монастыря св. Бонды, друзьям, ученикам, духовным чадам. Эти письма, написанные простым, нередко почти разговорным, языком с вкраплением сиенских диалектизмов, с многочисленными конструкциями и приемами, характерными для устной речи (синтаксическая инверсия, народные выражения и пословицы), отражают эволюцию внутренней жизни их создателя. Как отмечает Дж. Петрокки, в письмах Коломбини можно проследить постепенное формирование мистического опыта — от глубокого покаяния через суровую аскезу к тайне богообщения [7, с. 158]. Свой мистический опыт Коломбини стремится передать своим корреспондентам и делает это нередко с подлинным поэтическим вдохновением, что дало основание Фео Белькари в прологе к жизнеописанию Джованни Коломбини назвать его послания огненными — “*infuocate epistole*”.

Главное для Коломбини — показать людям путь к спасению, а путь этот — Христос. Об этом — все письма Коломбини: иногда он подробно

и обстоятельно описывает, в чем нужно подражать Христу. Коломбини неплохо владеет эпистолярным искусством, многие из его писем построены по правилам: в них есть обращение, вступление, развитие темы и заключение; его стиль не лишен изящества. Но когда он находится во власти мистического порыва, правила отступают на второй план, давая дорогу свободному лирическому излиянию сердечных переживаний. Тогда вступление может или вообще отсутствовать, или приобретать нетрадиционную форму; таково эмоциональное, почти детское по своей форме, обращение к настоятельнице монастыря св. Бонды: *“Dolciata madre mia, tutta di Cristo e puoi mia e puoi di Cristo e puoi mia”* [9, p. 114] (*“Сладенькая мать моя, вся Христова, а потом моя, а потом Христова, а потом моя”*). А вместо обычного заключения-благословения у Коломбини вырывается восторженный призыв: *“Godete e cantate, e viva Cristo crucifisso; amen. Prega per me, e fa pregare, che ciò fo per voi, e viva Cristo”* [9, p. 181] (*“Радуйтесь и пойте, и да здравствует распятый Христос; аминь. Молись обо мне и других заставляй молиться, а я это делаю за вас, и да здравствует Христос”*).

Письма Джованни Коломбини представляют собой удивительный пример сочетания повседневных тем, обычных наставлений и поучений нравственно-религиозного характера, написанных простым, если не сказать низким, стилем с проповедническими интонациями, и мистического опыта, выраженного поэтическим, образным языком.

Совершенно особое место занимают письма Екатерины Сиенской (1347–1380) — как в силу личности их автора, так и в силу затрагиваемых в них проблем, а также высокого положения их адресатов.

Темы, затрагиваемые Екатериной в письмах, многообразны, они диктуются конкретными целями ее писем. Как правило, цель письма излагается в двух планах: сначала в духовном, мистическом, затем в плане повседневной жизни. При этом Екатерина всегда обозначает те действия, которые она ожидает от своего адресата. Важность дела не имеет значения, это могут быть предприятия всеобщей значимости, вроде перенесения папского престола, или же события, касающиеся лишь кого-нибудь из ее многочисленных подопечных и родственников. Помимо духовных наставлений своим чадам, носящим личный характер, немало писем Екатерины посвящены проблемам церковной и светской политики. Это прежде всего — переезд папского

престола из Авиньона в Рим, замена недостойных иерархов, единство Церкви, недопустимость раскола, установление мира между городами, а также между городами и Папой, организация крестового похода. Осознавая их важность, Екатерина обращается к папам, кардиналам, епископам, королям, герцогам и другим высокопоставленным особам и без обиняков, порой резко и всегда решительно, склоняет их к принятию нужного решения, нередко ссылаясь на то, что такова воля Божия. Такими словами увещевает Екатерина папу Григория XI, не спешащего выполнять ее советы относительно возвращения: *“Не медлите долее, потому что из-за промедления уже произошло множество бед: чтобы воспрепятствовать Вашему приезду и Походу, восстал и продолжает восставать дьявол, ибо видит здесь опасность для себя. Итак, вперед, отец, и довольно нерадения!”* [10, с. 43].

Все письма Екатерины построены по одной схеме, отвечающей правилам эпистолярного искусства. Вступительная формула — не просто дань традиции, она достаточно развернута и содержит важные положения, определяющие религиозное мировоззрение Екатерины. Как правило, письмо начинается словами: *“Во имя распятого Иисуса Христа и сладчайшей Марии. К Вам, дражайший отец в сладостном Иисусе Христе, обращаюсь я, Екатерина, слуга и раба слуг Христовых, в драгоценной крови Сына Божия, желая видеть Вас истинным слугою и рыцарем Христовым...”* [10, с. 156]. После вступительной фразы Екатерина переходит к цели своего послания, которую она развивает с учетом характера своих адресатов, их жизненной ситуации. Тон ее писем очень разнообразен: то почтителен, то ласков, то решителен и даже гневен. Это дало основание говорить о множестве стилей Екатерины в рамках единого языка [11, p. 18], а также называть ее письма настоящей симфонией [12, v. I, p. 13].

Язык ее писем прост и близок к народному: в нем немало сиенских диалектизмов, в синтаксисе преобладает паратаксис, порой имеет место несогласованность, пропуск членов предложения, эллипсис и гипербат; нередки повторы. И вместе с тем этот язык удивительно красив, в его непосредственности и живости кроется особое обаяние. Художественные средства, используемые Екатериной в письмах, в целом довольно безыскусны, риторика в смысле сознательно обдумываемого и вырабатываемого стиля отсутствует. Впрочем, Екатерина прибегает порой и к высокой лексике и возвышенным образам; она умеет убеждать разными способами — простым и торжественным стилем, экспрессией и путем логического

рассуждения. Образность, как правило, заимствована из Священного Писания.

Письма Екатерины Сиенской носят личный характер и адресованы конкретным людям. Их, разумеется, нельзя рассматривать как “открытые письма”, вроде тех, что были распространены в античной эпистолярной традиции, даже когда они посвящены проблемам церковной и политической жизни. Вместе с тем важность поставленных в них проблем и высокое положение их адресатов выделяет их из обычной личной или деловой переписки. Их статус выше, они занимают промежуточное положение между личным и открытым письмом. Хотя каждое из них написано одному конкретному человеку, поставленные в них проблемы касаются многих, если не всех. Вероятно, Екатерина осознает это, пафос этих писем более высокий и торжественный, чем, скажем, в письмах, обращенных к матери, родственникам, духовным чадам.

М.Л. Гаспаров отмечает, что в Средние века письмо занимало в общественной жизни такое же место, как речь в античной, и приводит в пример письменные распоряжения, присылаемые от властей, или ученую переписку [4, с. 103]. Но эта группа писем совсем незначительна в общем объеме средневековой частной или деловой переписки. Тем не менее, рассматриваемые нами письма Екатерины Сиенской вполне могут быть уподоблены общественной речи или, точнее, проповеди, ориентированной на широкую аудиторию [13]. Своими существенными особенностями — целью, авторской позицией, идеологическими установками, структурой и художественными средствами — они близки жанру проповеди. Как известно, средневековые проповеди строились в соответствии с достаточно жесткими предписаниями многочисленных *Artes praedicandi*, пособий по искусству сочинения проповедей. Учет уровня и интересов слушателей был одной из основополагающих рекомендаций проповедникам. Екатерина всегда ориентируется на адресата с целью привлечь его внимание и добиться определенных результатов. Она твердо высказывает свои требования и пожелания; как правило, это требование конкретных действий, которые — в более широкой перспективе — должны привести к спасению. Именно так действуют и проповедники: их конкретные советы и указания имеют целью спасение души слушателей.

Еще одна общая черта — это особая оценка своей миссии. Статус проповедника, как он представлен в *Artes praedicandi* и в самих проповедях, весьма высок. Екатерина также очень высоко оценивает свою

миссию: посланный ей свыше дар любви и знания воли Божией предназначается не ей одной, а всем христианам, поэтому она не может молчать. При всей своей мягкости и любвеобильности она жестко и настойчиво требует выполнения того, что считает волей Божией.

Композиция писем Екатерины сопоставима с моделью проповеди. Проповедь должна была иметь определенное количество частей — тему, прототему, вступление, основную часть, содержащую деление (*divisio*) и/или членение (*distinctio*), заключение — каждая из которых, в свою очередь, обладала заданной структурой и содержательными особенностями. Письма Екатерины обрамлены вступительной и заключительной формулами. Разумеется, развитие темы осуществляется в них совсем иначе, чем в проповедях, деления и членения отсутствуют. Однако используемые Екатериной риторические приемы в значительной степени совпадают с теми способами *dilatatio* (распространения), к которым прибегают проповедники, ориентирующиеся на “простую” аудиторию.

Похоже, что тенденция писем Екатерины к сближению с проповедью объясняется, с одной стороны, ее доминиканским призванием, проповедническим по преимуществу, а с другой — самим статусом средневекового письма, хранящим античную “жанровую память”.

От XIV в. до нас дошел также обширный корпус деловых и личных писем, написанных мирянами на “повседневные” темы, отражающие проблемы и тревоги мира сего. Подавляющее большинство этих писем сосредоточено вокруг личности купца Франческо ди Марко Датини (1330/1335–1410), известного своей успешной коммерческой деятельностью, в первую очередь благодаря огромному архиву, обнаруженному во второй половине XIX в. при ремонте его дома, завещанного им городу Прато. Письма Франческо Датини являются настоящим “зеркалом эпохи” [14, р. XXIV]. Из них мы узнаем, что ели и пили, во что одевались, сколько платили за одежду, как управляли слугами, как строили и обставляли дом, как готовили вино, как получали долги, какое приданое давали незаконнорожденной дочери, какую и кому давали милостыню и какие дарили подарки; а также о праздниках, о болезнях и способах лечения, о паломничествах, об эпидемии чумы и множествах других деталей.

Порой сугубо деловые или бытовые письма (например, его переписка с женой Маргаритой о хозяйственных делах или переписка со служащими и помощниками) поднимаются до литературного уровня. Обычно это происходит, когда

в них появляется морально-нравственная тематика. Особый интерес с этой точки зрения представляет собой переписка Датины с его другом и поверенным, нотариусом Лапо Маццеи. Письма Лапо изобилуют рассуждениями на духовные темы, увещаниями думать не только о прибыли, но и о душе, щедро подавать милостыню, прощать врагам, быть честным, не давать житейскому морю поглотить себя, помнить о смерти, больше заботиться о жене, с которой у Датины были довольно сложные отношения. Вот один из примеров: «Я часто слышу о ваших больших пирах, о богатых мужчинах и женщинах, о роскоши мира сего. Это неплохо. Но не забывайте и о том, чтобы приглашать иногда бедных посмотреть на ваш прекрасный дом, изобилующий яствами, чтобы Бог не упрекнул бы вас: “Хоть бы раз ты пригласил друзей моих в дом, который я тебе дал!”» [15, р. 280]. Лапо советует Датине молиться, творить дела милосердия, слушать проповеди, читать духовную литературу (помимо Священного Писания, он пишет ему о Боэции, Сенеке, Тите Ливии, его жене посылает “Цветочки Франциска Ассизского”). Поскольку Датина не всегда принимает советы друга, тот постоянно оправдывается: “Все это я сказал вам, чтобы вы видели, что я любил и люблю вашу честь и вашу пользу; я не как те льстецы, которые говорят вам то, чего нет на самом деле” [15, р. 22]; или: “Если я заблуждаюсь, простите меня. Но знайте, что друг имеет право говорить своему другу все: иначе, если бы он боялся, он был бы трусливым другом, а не совершенным” [15, р. 134].

Язык Лапо можно назвать умеренным, лишенным особой риторики (антитеза — основной прием), приближающимся порой к разговорному (нередка синтаксическая инверсия); в целом образность, характерная для назидательной литературы. Что касается языка писем Франческо Датины, то когда он пишет о делах, его язык прост и не литературен, иногда даже коряв; когда же он обращается к более высоким предметам, к духовным темам, стиль его писем меняется: появляется возвышенный тон, усложняется синтаксис (сложноподчиненные предложения, гипотетические периоды), возникают элементы риторики. Что всегда присутствует в его письмах, это обращение, заключительная формула, число и место написания письма, нередко указание имени того, с кем письмо будет отправлено. Здесь скажется купеческая точность и привычка все документировать.

И в это же время пишет свои письма Петрарка. Его письма знаменуют новый этап в развитии эпистолярного жанра: это обращение к античной

традиции и переработка ее в “индивидуалистическом” духе. Согласно Л.М. Баткину, цель “повседневных” писем Петрарки (“Письма о делах повседневных”) — «превратить житейскую, практическую установку в установку высокой литературы; т.е. возвысить частное и казусное эпистолярное “я” до полновесного жанрового (и тем самым мировоззренческого) статуса» [16, с. 42]. Обращение к повседневным темам, в соединении с богатой риторикой, становится для Петрарки способом осмысления и построения собственно “я”, неотделимого от культурного контекста.

Таким образом, мы видим, что средневековая эпистолярная традиция сначала отдаляется от античной, хотя и сохраняет связи с ней, а затем, в преддверии Возрождения, вновь сближается с ней, но уже на другом витке спирали — используя ее как фундамент для построения индивидуалистического “я”, неотделимого от литературного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Кнабе Г.С.* Древо познания — древо жизни. М., РГГУ, 2006 [Knabe, G.S. *Drevo poznaniya — drevo zhizni* [The Tree of Knowledge — the Tree of Life]. Moscow, RSHU Publ., 2006.]
2. *Ошеров С.А.* Сенека: от Рима к миру — Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986. С. 390—427 [Osharov, S.A. [Seneca: From Rome to the World]. Seneca, L.A. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral Letters to Lucilius]. Kemerovo, 1986.]
3. *Murphy J.J.* La retorica nel Medioevo. Una storia delle teorie rettoriche da s. Agostino al Rinascimento. Napoli, Liguori, 1983.
4. *Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л.* Проблемы литературной теории в Византии и латинского средневековья. М.: Наука, 1986 [Averintsev, S.S., Gasparov, M.L. *Problemy literaturnoy teorii v Vizantii i latinskogo srednevekovyya* [Topics in Literary Theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1986.]
5. *Guittone d'Arezzo.* Lettere. Edizione critica a cura di A. Margueron. Bologna, Commissione per i testi di lingua, 1990.
6. *Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. Санкт-Петербург, Alexandria, 2009 [Gurevich, A.Y. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [The Individual and Society in the Medieval West]. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2009.]
7. *Petrocchi G.* Ascesi e mistica trecentesca. Firenze, 1957.
8. *Padre mio dolce.* Lettere di religiosi a Francesco di Marco Datini. A cura di S. Brambilla. Roma, 2010.

9. Le lettere del beato Giovanni Colombini da Siena. A cura di A. Bartoli. Lucca, 1856.
10. *Екатерина Сиенская*. Письма. Изд. подготовила А.В. Топорова. М.: Ладомир, Наука, 2014 [Catherine of Siena. *Pis'ma. Izd. podgotovila A.V. Toporova* [Letters. Edited by A.V. Toporova]. Moscow, Ladomir Publ., Nauka Publ., 2014.]
11. *Bertoni G.* Il linguaggio mistico di Santa Caterina da Siena – Spunti, scorci e commenti. Genève, 1928.
12. Le lettere di s. Caterina da Siena. In 6 volumi. Con note di N. Tommaseo. A cura di P. Misciatelli. Siena: Giuntini-Bentivoglio, 1913–1921.
13. *Топорова А.В.* “Эпистолярная проповедь” Екатерины Сиенской // Проблемы итальянистики. Культура и литература Италии. Эпохи, стили, идеи. Вып. 4. М., РГГУ, 2011. С. 3–17. [Toporova, A.V. [The “Epistolary Sermons” of Catherine of Siena]. *Problemy italyanistiki. Kul'tura i literatura Italii. Epokhi, stili, idei* [Topics in Italian Studies. The Culture and Literature of Italy. Ages, Styles and Ideas]. Vol. 4, Moscow, RSHU Publ., 2011, P. 3–17.]
14. *Origo I.* Il mercante di Prato: la vita di Francesco Datini. Milano: Corbaccio, 2005.
15. *Ser Lapo Mazzei.* Lettere di un notaro a un mercante del secolo XIV con altri lettere e documenti. A cura di C. Guasti. V.I. Firenze, Successori le Monnier, 1880.
16. *Баткин М.Л.* Петрарка на острие собственного пера. Авторское самосознание поэта. М., РГГУ, ИВГИ, 1995 [Batkin M.L. Petrarka na ostriye sobstvennogo pera. Avtorskoye samosoznaniye poeta (Petrarch on the Tip of His Own Pen. The Author's Self-Consciousness of the Poet). Moscow: RSHU, IVGI, 1995].